

Стороженко Н. И.

**Предшественники
Шекспира**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
С82

C82 **Стороженко Н. И.**
Предшественники Шекспира / Стороженко Н. И. – М.: Книга по Требованию,
2012. – 226 с.

ISBN 978-5-4241-3436-4

Николай Ильич Стороженко (1836–1906) – русский ученый, литературовед, шекспировед. Каждая работа Стороженко по теме, связанной с великим драматургом раскрывает нам разностороннего, в то время единственного в России знатока предмета. Стороженко принадлежит множество работ и очерков по истории английской драмы, в том числе, во «Всеобщей истории литературы».

ISBN 978-5-4241-3436-4

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2012

Предшественники Шекспира
Эпизодъ изъ исторіи
Англійской драмы в эпоху
Елисаветы
Сочиненіе
Николая Стороженка
Томъ I
Лилли и Марло

*Go, little booke, God send thee good
passage*

*And specially let this be thy prayere
Unto them all that thee will read or hear
Where thou art wrong, after their help
to call*

*Thee to correct in part or all.
Chaucer*

ПРЕДИСЛОВІЕ

Предлагаемое вниманію читателей сочиненіе вытекло изъ желанія уяснить самому себѣ ходъ развитія англійской драмы до появленія Шекспира. Почтенные труды Колльера, Ульрици, Гервинуса и др., хотя и пролили много свѣта на исторію стариннаго англійскаго театра, но далеко не разрѣшили всѣхъ связанныхъ съ этимъ предметомъ вопросовъ. Трудъ Колльера, изумляющій богатствомъ материала, едва-ли можетъ принести много пользы не специалисту, потому что представляеть собой не болѣе какъ груду фактovъ, лишенныхъ общей руководящей идеи и связанныхъ между собой чисто вѣшнимъ хронологическимъ образомъ. Сочиненія Ульрици и Гервинуса страдаютъ совершенно противоположныемъ недостаткомъ — страстью систематизировать не строго провѣренныя данныя, пригоняя ихъ къ заранѣе составленному воззрѣнію. Какимъ стройнымъ и логическимъ представляется по теоріи Ульрици развитіе основныхъ моментовъ англійской драмы, совершающееся въ силу присущаго ей внутренняго закона, а на самомъ дѣлѣ какъ оно было запутано и неогранично! Вредная сторона этихъ искусственныхъ построений состоить въ томъ, что они своей логической стройностью усыпляютъ энергию изслѣдователя, пріучаютъ его успокаиваться на разъ добытыхъ результатахъ и въ концѣ концовъ порождаютъ самодовольный ученый квѣтизмъ. Намъ казалось, что при такомъ положеніи дѣла, когда даже богатая западная литература, обладающая множествомъ специальныхъ работъ посвященныхъ различнымъ сторонамъ вопроса нась занимающаго, не въ состояніи представить ни одного вполнѣ надежнаго руководства для изученія дошекспировской драмы, всякий трудъ, излагающій безъ предвзятой мысли фактическую сторону предмета, частью провѣряющій прежнія положенія, частью пополняющій существующіе пробѣлы новыми фактическими данными, будетъ не совсѣмъ безполезъ для молодой русской науки, только что начинающей критически относиться къ произведеніямъ западныхъ ученыхъ. Представляя критикѣ опредѣлить отношеніе моего труда къ работамъ другихъ изслѣдователей, я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ его планѣ.

Все сочиненіе расчитано на два тома. Первый, теперь выходящій, заключаетъ въ себѣ очеркъ развитія англійской драмы до той поры, когда она наконецъ получаетъ подъ рукой Марло художественную организацію. Второй, который я надѣюсь издать въ непродолжительномъ времени, будетъ посвященъ обзору произведеній второстепенныхъ драматурговъ, развившихся подъ вліяніемъ Марло и служащихъ, такъ сказать, связующей нитью между нимъ и Шекспиромъ. Здѣсь я обращаю особенное вниманіе на технику дошекспировской драмы и на отношеніе ея къ техникѣ произведеній Шекспира и на основаніи данныхъ, добытыхъ сравненіемъ, попытаюсь выдѣлить въ драматическомъ стилѣ Шекспира то, что принадлежитъ лично ему, изъ того что по всей справедливости должно быть признано безспорнымъ достояніемъ его предшественниковъ.

ГЛАВА I

Начатки англійского театра

Составные элементы средневѣковой драмы: народно-бытовой и церковно-литургический. — Древнѣйшія свидѣтельства о театральныхъ представленияхъ въ Англіи. — Выводы изъ нихъ вытекающіе. — Общая характеристика английскихъ мистерій. — Вторженіе въ нихъ народно-бытовой стихіи. — Сценическая постановка мистерій. — Возникновеніе аллегорическихъ пьесъ, извѣстныхъ подъ именемъ Моралите и отношеніе ихъ къ мистеріямъ. — Значеніе Моралите въ исторіи развитія англійской драмы. — Понятіе объ интерлюдіи. — Джонъ Гейвуд; его біографія и сочиненія. — Обзоръ главнѣйшихъ интерлюдій Гейвуда. — Ихъ литературный характеръ и историческое значение. — Роль народно-бытового элемента въ исторіи старинного англійского театра.

Въ раннемъ историческомъ возрастѣ народной жизни всякое идеальное стремленіе, всякое проявленіе высшихъ потребностей духа находится въ тѣсной связи съ религіознымъ міросозерцаніемъ народа. Нигдѣ впрочемъ эта связь не раскрывается съ такой полнотой и очевидностью, какъ въ сферѣ искусства и поэзіи. Относительно послѣдней можно, пожалуй, подумать, что на первой ступени своего развитія она не только состоить на службѣ у религіи, но что религіозное чувство создало ее исключительно для своихъ цѣлей. Древнѣйшимъ памятникомъ лирической поэзіи считаются веддійские гимны; первенецъ эпической поэзіи есть міөль или поэтическое сказание о богахъ; наконецъ начатковъ драматического искусства нужно искать въ вакхическихъ хорахъ, сопровождавшихъ священные процесіи въ честь Діониса, которая въ древней Греціи составляли принадлежность самаго религіознаго культа. Подобно драмѣ греческой и средневѣковая драма развилась изъ языческой и христіанской обрядности среднихъ вѣковъ. Наивная фантазія древнихъ насељниковъ Европы, полная вѣры въ демоническія силы природы, видѣла въ каждомъ ея феноменѣ, въ каждомъ ея неизмѣнномъ процессѣ, проявленіе личной воли и сознательнаго могущества. Упорная вѣра въ божественную личность стихійныхъ силъ въ связи съ надѣленіемъ ихъ человѣческими свойствами составляетъ характеристическую черту религіознаго сознанія первобытнаго человѣка. Подъ вліяніемъ этой вѣры возникли уже въ глубокой древности сказанія о лѣтѣ и зимѣ, какъ о двухъ братьяхъ ¹⁾, а періодически-повторяющаяся смѣна одного времени другимъ подала поводъ къ олицетворенію ихъ въ образѣ двухъ соперниковъ, борющихся между собой за право господства надъ землей. Описывая различные празднества и игры, которыми у древнихъ германцевъ сопровождалось чествованіе наступающей весны, Яковъ Гриммъ упоминаетъ *о спорѣ лѣта съ зимой*, обрядѣ весьма распространенному въ средніе вѣка въ Германіи — и видѣть въ переряживаны двухъ соперниковъ, въ ихъ вѣроятномъ обмѣнѣ рѣчами въ присутствіи хора поселянъ, — первые грубые задатки сценическаго искусства ²⁾.

Въ спорѣ лѣта съ зимой, описанномъ Гриммомъ, перевѣсь остается на сторонѣ лѣта, и сельская молодежь торжествуетъ его побѣду радостными восклицаніями и насмѣшками надъ зимой. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Европы, преимущественно въ славянскихъ земляхъ, соломенное чучело, изображающее зиму или смерть, съ пѣснями носятъ по селу, а потомъ сжигаютъ или бросаютъ въ воду ³⁾.

Вслѣдъ за изгнаніемъ зими въ Швеціи, Даніи и на островѣ Готландѣ происходи-
лъ торжественный вѣздъ лѣта (Mairitt), составлявшій, такъ сказать, второй актъ
народной обрядовой драмы. Сельская молодежь избирала изъ среды себя распо-
рядителя празднства, который носилъ титулъ майского графа (Maigraf). Подъ
его предводительствомъ двигалась изъ лѣсу многочисленная, увѣнчанная
цвѣтами, процессія, символически изображавшая наступленіе лѣта. При вѣздѣ
въ селеніе ее встрѣчали съ веселыми пѣснями хоръ дѣвушекъ; изъ числа ихъ
графъ выбиралъ себѣ подругу (majinde) и въ знакъ ея новаго достоинства
надѣвалъ на нее вѣнокъ; затѣмъ поѣздъ двигался далѣе, всюду сопровождаемый
восторженными кликами, пѣніемъ и звономъ колоколовъ ⁴⁾.

Изслѣдователи, не признающіе за подобными обрядами драматического ха-
рактера, упускаютъ изъ виду историческую точку зреія и разсматриваютъ
драматический элементъ, какъ нѣчто обособившееся, совершенно выдѣлившееся
изъ общаго религіозно-эпического содержанія средневѣковой обрядности. Ко-
нечно, ничего подобнаго мы не найдемъ на первой ступени драмы, когда драма-
тический элементъ находится еще въ смѣшанномъ видѣ съ эпическимъ и лири-
ческимъ, а миѳическое содержаніе, набрасывая на все свой величаво-сумрачный
колоритъ, сковываетъ собою первые, еще робкіе, шаги новорожденного драма-
тическаго искусства. Все что можно найти въ данномъ случаѣ — это развѣ на-
чатки драматической формы въ традиціонномъ обмѣнѣ рѣчей между лѣтомъ и
зимой, въ припѣвахъ хора, и зародыши сценическаго искусства въ костюмиров-
аніи лѣта и зими, въ торжественной обстановкѣ майской процессіи и т. п., но и
это немногое имѣеть въ глазахъ историка литературы большую цѣну, потому что
позволяетъ ему наблюдать любопытный процессъ зарожденія драматическихъ
формъ изъ чисто народныхъ элементовъ. Въ рождественскихъ обрядахъ Франціи,
въ обиходѣ славянской свадьбы, въ германскомъ старинномъ обычай переряжи-
ванья на масляницу, наконецъ въ дѣтскихъ играхъ нѣмцевъ и славянъ ⁵⁾ скрыва-
ется много материаловъ для начального периода европейской драмы. Къ со-
жалѣнію подробное изученіе это-то вопроса — какъ оно само по себѣ ни заман-
чиво — лежитъ вѣдь предѣловъ нашей задачи, и мы принуждены будемъ ограни-
читься немногими указаніями на присутствіе драматическаго элемента въ обря-
дахъ, играхъ и народныхъ празднствахъ Англіи.

Въ Англіи не сохранилось преданій о борьбѣ лѣта съ зимой, а потому всѣ
народные обряды, связанные съ чествованіемъ возрождающейся природы,
группируются главнымъ образомъ вокругъ вѣзда майского короля. Цѣлый
кругъ игръ и обрядовъ, относящихся къ этому событию, носить название майскихъ
игръ (Maygames или Mayings). Въ старину майскія игры были вполнѣ національ-
нымъ праздникомъ; въ нихъ принимали участіе всѣ англичане безъ различія со-
словій: богачи и бѣдняки, раздѣленные предразсудками рожденія и богатства,
чувствовали себя въ это время членами одной народной семьи и соединялись въ
живомъ чувствѣ природы, въ свѣжемъ восхищеннѣ прелестю весеннаго дня ⁶⁾.
На зарѣ первого мая молодые люди обоего пола отправлялись въ близь лежащей
лѣсь, ломали зеленныя вѣтви, рвали только что распустившіеся цвѣты, плели изъ
нихъ вѣнки и при первыхъ лучахъ восходящаго солнца возвращались изъ лѣсу
съ майскимъ деревомъ (May-pole), которое везли за ними нѣсколько паръ воловъ.
Съ пѣснями и музыкой веселая толпа водружила майское дерево среди селенія
или на городской площади, и вокругъ него начинались игры и танцы. Въ распо-

рядители праздника здѣсь — какъ и въ Германіи — избирался молодой человѣкъ, котораго величали майскимъ королемъ (King of the May) или майскимъ лордомъ (Lord of the May). Въ подруги ему избиралась молодыми людьми красивѣйшая дѣвушка въ деревнѣ, носившая титулъ майской царицы (Queen of the May). Быть хоть разъ избранной въ майскія царицы было завѣтной мечтой всякой дѣвушки, и воспоминаніе объ этой счастливой порѣ она сохраняла всю свою жизнь ⁷⁾. Торжественный обиходъ майскихъ празднествъ въ Англіи имѣлъ въ себѣ много сценическаго, а раннее введеніе въ нихъ полуимиѳического, полуисторического Робинъ-Гуда съ его неизмѣнными спутниками — дѣвицей Маріанъ, монахомъ Тукомъ и трехъ-аршиннымъ верзилой Малюткой-Джономъ (Little John) сообщило имъ решительно драматический характеръ. Сохранилась до сихъ порѣ, конечно въ грубой формѣ, народная драма о Робинъ-Гудѣ, которая называлась королевской игрой (King game), вѣроятно потому, что Робинъ-Гудъ замѣнилъ собою прежняго майского короля, и въ старину исполнялась во время майскихъ празднествъ нерѣдко въ самихъ церквяхъ ⁸⁾. О древности ея можно судить изъ того, что уже въ XIII в. на Винчестерскомъ соборѣ (1240 г.) духовенству было строго запрещено допускать представленіе этой пьесы въ церквяхъ ⁹⁾, но надо полагать, что запрещеніе осталось мертвой буквой, такъ какъ само духовенство не меньше народа было заражено языческимъ суевѣріемъ и охотно отворяло церковныя двери для чествованія любимаго национальнаго героя Англіи. Въ извѣстной аллегорической поэмѣ Vision of Piers Ploughman, написанной во второй половинѣ XIV столѣтія (около 1360 г.), выведенъ невѣжественный сельскій священник — очевидно типическій представитель современнаго автору сельскаго духовенства — который не можетъ проговорить безъ ошибки *Отче нашъ*, но за то отлично знаетъ баллады о Робинъ-Гудѣ и графѣ Рандольфѣ ¹⁰⁾. Въ 16 в. майскія игры, съ Робинъ-Гудомъ во главѣ, сдѣлялись такъ популярны, что народъ праздновалъ ихъ не только весь май, но и большую часть юна, и въ теченіи всего этого времени драма изъ жизни Робинъ-Гуда по прежнему игралась въ церквяхъ, не смотря на вопли пуританскихъ проповѣдниковъ ¹¹⁾. Епископъ Латимеръ, въ одной изъ своихъ проповѣдей, произнесенныхъ въ присутствії Эдуарда VI, разсказываетъ слѣдующій случай, свидѣтельствующій о сильной привязанности англичанъ къ майскимъ играмъ, ради которыхъ они всегда готовы были пожертвовать религиознымъ назиданіемъ. Однажды — говорить онъ — проѣзжая изъ Лондона къ себѣ въ Лестерширъ, я далъ знать въ одинъ изъ лежавшихъ по дорогѣ городовъ, что на слѣдующій день, но случаю праздника, я намѣренъ сказать проповѣдь. Я расчитывалъ, что по обыкновенію найду въ церкви много народу; подѣлѣзаю и вижу, что даже двери церковныя заперты. Пришлось подождать добрыхъ полчаса и болѣе пока ихъ наконецъ не отперли, и я могъ войти въ церковь. Но тутъ подошелъ ко мнѣ одинъ изъ прихожанъ и сказалъ: "Извините, сегодня мы въ большихъ хлопотахъ, и не можемъ васъ слушать: сегодня мы празднуемъ память Робинъ-Гуда, и весь народъ отправился въ лѣсъ за Робинъ-Гудомъ". Я думалъ, что мое епископское облаченіе произведетъ какое нибудь дѣйствіе; не тутъ то было — и я принужденъ былъ уступить мое мѣсто Робинъ-Гуду и его свитѣ ¹²⁾. Непремѣнную принадлежность майскихъ игръ составляла, такъ называемая, мавританская пляска (morris dance), родъ драматической пантомимы, по преданію вывезенной изъ Испаніи извѣстнымъ покровителемъ Чосера, Джономъ Гаунтомъ. Кромѣ Робинъ-Гуда и его веселой свиты сюда подъ вліяніемъ преданій

животнаго эпоса были введены маски, изображающія животныхъ, — обезьяну (Babian) и лошадь (Hobby-horse). Это были лица комическая, имѣвшія способность своими смѣшными тѣлодвиженіями возбуждать веселость зрителей¹³). Къ майскимъ играмъ примыкали лѣтнія празднества (Summerings), происходившія наканунѣ Иванова дня, праздникъ стрижки овець (Sheep-shearing Feast), въ распорядители которого избирался всякий разъ особый пастушескій король (Shepherd-king), далѣе — праздники, связанные съ началомъ жатвы (Harvest-home), своимъ демократическимъ характеромъ напоминавшія римскія сатурналии и т. н.¹⁴).

Всѣ эти обрядовыя торжества, разнообразившія собою монотонный обиходъ средневѣковой жизни, сопровождались процессіями, пѣснями, танцами, переряживањемъ, пантомимами и другими затѣями. Обрядовая сторона нѣкоторыхъ изъ нихъ носить на себѣ слѣды глубокой древности; нерѣдко символическая оболочка обряда указываетъ на его отдаленный миѳический источникъ. Таковъ напр. обычай зажиганія костровъ наканунѣ Иванова дня, общій германскимъ и славянскимъ племенамъ и связанный съ вѣрованіемъ въ благодѣтельную силу священаго огня¹⁵). Не такъ давно къ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣверной Англіи, преимущественно въ Йоркширѣ, переряженные поселяне каждую осень исполняли мимическую пляску, которую они называли пляской исполиновъ. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ ея мы встрѣчаемъ боговъ сѣверной миѳологіи — Водана и его супругу Фриггу, а содержаніе пантомимы, вѣроятно основанное на какомъ нибудь миѳическомъ преданіи, состоить въ томъ, что два человѣка, танцуя, машутъ обнаженными мечами вокругъ шеи стоящаго посреди ихъ мальчика и стараются его не задѣять¹⁶). Нерѣдко передъ началомъ пляски между противниками происходилъ стихотворный обмѣнъ рѣчей, какъ это видно изъ одного отрывка, изданного Ритсономъ по рукописи британскаго музея¹⁷). Вообще пляска съ мечами ведетъ свое начало съ глубокой древности и составляетъ принадлежность почти каждого обрядового торжества германскихъ народовъ¹⁸). Въ первый понедѣльникъ, слѣдующій за Крещеніемъ (Plough-Monday), по англійскимъ деревнямъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія можно было видѣть любопытную обрядовую процессію: поселяне въ своихъ праздничныхъ блузахъ, украшенныхъ разноцвѣтными лентами, стройными рядами проходили по улицамъ, при звукахъ музыки, таща за собой эмблему своихъ занятій — плугъ. Процессія эта, устраиваемая ежегодно передъ началомъ полевыхъ работъ, оканчивалась пляской мечей, которая постоянно собирала вокругъ себя толпы любопытныхъ. Обязанность дѣлать сборъ съ глазѣющей публики возлагалась на двухъ разбитныхъ малыхъ, изъ которыхъ одинъ былъ наряженъ старухой, а другой, одѣтый въ звѣриную шкуру шерстью вверхъ, въ косматой шапкѣ и съ громаднымъ хвостомъ, волочившимся по землѣ, изображалъ изъ себя не то дьявола, не то шута¹⁹). Гораздо болѣе драматического можно найти въ такихъ народныхъ играхъ, въ основѣ которыхъ лежитъ какое нибудь историческое событие, сильно поразившее народное воображеніе. Таково было народное представленіе, встарину ежегодно разыгрываемое поселянами Ковентри въ память истребленія Датчанъ при королѣ Этельредѣ. Деревенскіе актеры-любители раздѣлялись на двѣ партии — Англичанъ и Датчанъ, при чемъ враждующія стороны не только жестикулировали, изображая сраженіе, но и перебрасывались между собой стихами²⁰).

Но особенно важень въ сценическомъ и бытовомъ отношеніяхъ праздникъ

Рождества (Christmas), замѣнившій собою старинный англосаксонскій празднікъ нового года (Geol daeg). Чествованіе его въ "старой веселой Англіи" и обряды съ нимъ связанные заключали въ себѣ много элементовъ драмы, которые при благопріятныхъ условіяхъ могли бы лечь въ основу англійского народнаго театра.

Ещё наканунѣ Рождества (Christmas eve) въ городахъ и селахъ старинной Англіи все принимало веселый и праздничный видъ. Окна самыхъ бѣдныхъ коттеджей, равно какъ и самыхъ роскошныхъ замковъ, были убраны зеленью лавра, плюща и остролистника. Въ этотъ день не было никакихъ общественныхъ увеселеній, и празднество имѣло исключительно семейный характеръ. Послѣ захода солнца молодежь, состоящая изъ членовъ семейства, прислуги и немногихъ близкихъ, съ пѣснями и музыкой вносила въ домъ огромный пень и сваливала его посерединѣ залы. Каждый изъ членовъ семейства долженъ быть сѣсть на немъ, пропѣть пѣсню (Jule Song) и выпить стаканъ эля въ честь великаго праздника. Послѣ этого полно разрубали на части, клали на самый большой каминъ, который въ старину находился всегда по серединѣ комнаты и зажигали кускомъ дерева, сбереженнымъ отъ прошлаго года. Вспыхиваль огонь, весело трещало сухое дерево, и вся семья располагалась вокругъ камина, слушала страшные разсказы изъ міра легендъ и народныхъ повѣрій и угощалась нарочно приготовленными печеніями съ изображеніемъ младенца Иисуса²¹⁾ Утро праздника начиналось пѣніемъ религіозныхъ пѣсень (Christmas Carols), имѣвшихъ прямое отношеніе къ чествуемому событию. Группы разодѣтыхъ поселянъ, распѣвава ихъ, переходили отъ одного дома къ другому, и получаемыя деньги и разныя разности клали въ особую корзинку (Christmas-box) и потомъ дѣлили межъ собой. Кромѣ этихъ пѣсень чисто-религіознаго характера были еще другія, свѣтскія и веселыя, которая пѣлись за обѣдомъ, особенно, когда, при звукахъ трубъ и роговъ, подавалось на столъ традиціонное рождественское блюдо — кабанья голова²²⁾. Начавшееся такимъ образомъ празднество продолжалось въ средніе вѣка не менѣе двѣнадцати дней въ городахъ и около шести недѣль по деревнямъ и селамъ. Рождественские святки до сихъ поръ остаются самыми любимыми и веселыми праздникомъ въ Англіи. Разъ въ году англичанинъ считается долгомъ сбросить съ себя ледяную маску дѣловой серьезности, натянутой чопорности и выказать другія, болѣе симпатической, стороны своей природы. Въ англійскомъ Christmas нѣть южной поэзии и грацій, этого дождя цвѣтовъ и конфектъ, этой заразительной, опьяняющей суматохи итальянскаго карнавала; за то въ немъ быть можетъ больше внутренней задушевной веселости. — Кто не видаль въ эти дни англичанъ, тотъ не знаетъ, сколько юмора, остроумныхъ затѣй и неистощимаго смѣха таится на днѣ ихъ народнаго характера. Но теперешній Christmas показался бы чѣмъ-то крайне-монотоннымъ и скареднымъ въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ старину. Тогда — это былъ пиръ на весь міръ въ буквальномъ значеніи этого слова. Двери каждого дома были растворены настежь; въ нихъ съ утра до поздней ночи могли входить гости, (а гостемъ былъ всякий), въ сопровожденіи арфистовъ, менестрелей, фокусниковъ и распоряжаться какъ у себя дома. Обыкновенно все то, что изготавлялось въ теченіе цѣлаго года, было истребляемо въ нѣсколько дней. Разгоряченное элемъ воображеніе изобрѣтало самыя причудливыя затѣи, переворачивало вверхъ дномъ всѣ общественные отношенія: власть Лорда-мѣра не признавалась больше въ городѣ; вмѣсто него самовластно царилъ — олицетвореніе святочнаго разгула — Царь

безпорядковъ (Lord of Misrule), который распоряжался всѣми праздничными потѣхами и увеселеніями. Подъ его руководствомъ и при его непосредственномъ участіи устраивались шуточныя маскарадныя процесіи, комическая пантомимы, разыгрывались фарсы и т. д. Драматический элементъ съ давнихъ поръ игралъ видную роль въ святочныхъ увеселеніяхъ Англіи. Полидоръ Виргилій, ученый итальянецъ, жившій при дворѣ Генриха VIII и написавшій на латинскомъ языкѣ исторію Англіи, — увѣряетъ, что уже въ концѣ XII в. было въ обычаѣ давать на святахъ представленія (*ludos*) съ самой роскошной обстановкой²³⁾). Въ 1348 при дворѣ Эдуарда III на рождественскихъ святахъ были устроены какія-то представленія, по всей вѣроятности маски и пантомимы, для которыхъ потребовалось нѣсколько десятковъ масокъ и восемьдесятъ разноцвѣтныхъ костюмовъ²⁴⁾). Съ теченіемъ времени въ этихъ представленіяхъ драматический элементъ береть верхъ надъ мимическими, и на святахъ 1489 г., современникъ вмѣсто обычныхъ маскарадныхъ процесій (*disguisings*) видѣлъ нѣсколько правильныхъ пьесъ. Сколько можно судить по его краткому описанію пьесы эти были свѣтскаго характера, нѣчто въ родѣ импровизированныхъ фарсовъ, въ которыхъ Abbot of Misrule могъ вполнѣ развернуть свой комический талантъ.²⁵⁾ Къ той же категоріи относились святочные представленія, встарину ежегодно устраиваемыя въ стѣнахъ университетовъ и юридическихъ академій (*Inns*), гдѣ выводились на сцену въ карикатурномъ видѣ парламентъ, суды адвокаты и т. д.²⁶⁾. Провинція не отставала отъ столицы: въ самихъ глухихъ закоулкахъ Англіи святочная увеселенія не обходились безъ маленькихъ одноактныхъ пьесъ или фарсовъ, принадлежавшихъ къ незатѣйливому вкусу деревенской публики.²⁷⁾ Любимой рождественской пьесой было представленіе изъ жизни св. Георга, патрона и заступника Англіи. Въ средніе вѣка была извѣстна мистерія о св. Георгѣ; въ день, посвященный памяти этого святаго, она обыкновенно игралась въ церквиахъ. При вступленіи на престолъ Елизаветы, когда мистеріи были запрещены наравнѣ съ религіозными процесіями, какъ остатки католического суевѣрія, народная драматургія овладѣла легендой о св. Георгѣ и сдѣлала изъ нея рождественскій фарсъ. Въ этомъ послѣднемъ видѣ онъ дошелъ до насъ въ различныхъ редакціяхъ, смотря по мѣстности, гдѣ они записаны. Такъ по крайней мѣрѣ мы объясняемъ себѣ возникновеніе народныхъ пьесъ изъ жизни св. Георга, неизвѣстныхъ въ средніе вѣка. Замѣчательнѣе всего, что въ народныхъ передѣлкахъ легенда окончательно теряетъ свой христіанскій характеръ. Герой ея — не воинъ христіанинъ, поражающій врага христовой церкви дьявола въ видѣ дракона, а сильный рыцарь родомъ изъ Ковентри, который мечемъ добываетъ себѣ три короны и, вырвавши изъ когтей дракона дочь египетскаго царя, женится на ней и vezetъ ее въ свой родной городокъ, гдѣ — они по словамъ народной баллады — проводять много лѣтъ въ счастіи и радости.²⁸⁾ Фарсъ, изданный Сэндисомъ, можетъ служить образцомъ народныхъ обработокъ легенды о св. Георгѣ. Дѣйствіе его вращается около побѣдъ ковентрийскаго витязя надъ его тремя противниками, въ числѣ которыхъ очутился — неизвѣстно вслѣдствіе какихъ соображеній — знаменитый паладинъ Карла В., архиепископъ Турпинъ, превратившійся въ гиганта. Св. Георгъ убиваетъ поочередно всѣхъ своихъ противниковъ, но привезенный шарлатанъ-докторъ исцѣляетъ ихъ посредствомъ жизненного элексира, такъ что св. Георгю приходится убивать ихъ во второй разъ. Такимъ образомъ вся пьеса состоить изъ шести свалокъ, прерываемыхъ краткими рѣчами противниковъ, и имѣть совер-

шенно балаганный характеръ. Въ заключеніе Дядя-Рождество (Father Christmas) — олицетвореніе великаго праздника — объявляетъ публикѣ, что представлениe кончено, и, со шляпой въ рукѣ обходить всѣхъ присутствующихъ, прося ихъ бросить въ шляпу кто сколько можетъ.²⁹⁾ Мы съ намѣреніемъ остановились нѣсколько подробнѣ на этихъ безыскусственныхъ памятникахъ народной драматургіи, потому что историки англійской драмы обыкновенно оставляютъ ихъ безъ вниманія, а между тѣмъ знаніе ихъ въ высшей степениѣ важно. Борьба двухъ стихій — церковно-литургической и народно-бытовой — которая то расходится, то сливаются между собой, пока одна изъ нихъ не береть окончательнаго перевѣса надъ другой, составляетъ главное содержаніе исторіи средневѣко-вой драмы. Вставочные сцены народно-бытоваго характера, зачастую попадающихся въ французскихъ и англійскихъ мистеріяхъ, будуть совершенно непонятно, если мы не возведемъ ихъ къ ихъ первоначальнымъ источникамъ — обрядовымъ играмъ языческой древности и святочнымъ народнымъ фарсамъ. Но признавая за описанными нами памятниками народно-бытовой драматургіи громадное историческое значеніе, какъ за однимъ изъ существенныхъ элементовъ стариннаго европейскаго театра, мы не можемъ всплѣдь за Яковомъ Гримагомъ³⁰⁾ считать ихъ единственнымъ источникомъ средневѣковой драмы вообще и ставить къ нимъ въ подчиненное отношеніе — мистеріи, возникшія совершенно самостоительно на другой почвѣ, подъ другими вліяніями. Представленія, извѣстныя въ средніе вѣка подъ именемъ мистерій, развились изъ драматическихъ элементовъ, коренящихся въ самомъ обиходѣ католического богослуженія, и если впослѣдствіи подъ вліяніемъ народно-бытовыхъ началь, они существенно измѣняютъ свой характеръ, то не нужно упускать изъ виду, что это происходит въ сравнительно-позднее время, и что чѣмъ древнѣе мистерія, тѣмъ меньше въ ней уступокъ мірскимъ интересамъ, тѣмъ строже она сохраняетъ свой первоначальный литургический типъ. Въ исторіи средневѣковой мистеріи можно различить три периода, три послѣдовательныхъ фазиса развитія: въ начальномъ періодѣ, обнимающемъ приблизительно X и XI вѣкъ, мистерія еще не имѣла характера самостоятельного представленія; составляя только часть праздничной літургіи, она даже не игралась, а пѣлась на латинскомъ языкѣ. Мѣстомъ ея представленія была церковь, а авторами и исполнителями лица духовнаго сана и ихъ причты. Сюжеты ея вращались около трехъ великихъ моментовъ евангельской исторіи — Рожденія, Смерти и Воскресенія Спасителя. Къ памятникамъ этой первобытной эпохи можно между прочимъ отнести изданную Моне³¹⁾ латинскую мистерію Воскресенія Христова, озаглавленную въ рукописи просто Пасхальной службой (*officium resurrectionis*) и итальянскую, изданную Палермо въ второмъ томѣ его *I Manoscritti Palatini*, которую Эбертъ³²⁾ считаетъ типической представительцей литургическихъ мистерій, не смотря на то, что она написана уже на итальянскомъ языкѣ. Съ теченіемъ времени область мистеріальныхъ сюжетовъ значительно расширилась: вошло въ обычай драматизировать не только события Нового Завѣта, но Ветхаго и житій святыхъ; сообразно этому допускалось больше свободы въ обращеніи съ сюжетами. Авторы литургическихъ мистерій строго держались текста Св. писанія и позволяли себѣ только перефразировать его, оттого литургическая мистерія имѣть по большей части чисто-эпический характеръ. Но мало по малу искусство проникаетъ и въ эту заповѣдную область: то тамъ, то здѣсь авторы позволяютъ вставлять въ рѣчи